

в которой, в частности, говорилось, что он неосновательно претендует на научную инициативу в области идиоматики, тогда как "всем известно, что идиоматику основал В.В. Виноградов", и что И.Е. Аничков в основном "преподаватель-практик, хорошо владеющий английским языком, а не теоретик".

Надо сказать, что работы по лексической сочетаемости отвергались не только у И.Е. Аничкова, но и (позже) у других авторов. Здесь опять приходится констатировать часто наблюдаемую, к сожалению, драматическую ситуацию в науке — искреннее неприятие принципиально нового, непривычного.

Публикуемая статья И.Е. Аничкова имеет не только исторический интерес, она в значительной мере сохраняет актуальность и для настоящего времени. Об этом можно судить, например, по недавней книге М.М. Копыленко и З.Д. Поповой "Очерки по общей фразеологии" (Воронеж, 1989). Так, на с. 23 авторы утверждают: "Проблема сочетаемости слов, как лексической, так и синтаксической, — это тот новый ракурс рассмотрения языковых единиц, к которому с неизбежностью должны были прийти и пришли в результате изучения семантики фразеосочетаний фразеологи, лексикологи и синтаксисты". Можно, конечно, приветствовать то, что мы, наконец, пришли к проблеме лексической сочетаемости, но достойно сожаления, что мы не помним ученого, который еще 65 лет тому назад написал по данному вопросу, на мой взгляд, гораздо больше и лучше, чем это можно прочесть в разделе "Проблема сочетаемости слова" названной работы⁶.

Отбыв в молодости срок в Соловецком лагере и в ссылке, И.Е. Аничков до конца дней хранил в коридоре своей ленинградской коммунальной квартиры (Греческий проспект, 15, кв. 46) маленький чемодан с бельем — на случай возможных повторений. Грустно, что он не дожил до наших дней. Может быть, сейчас он бы убрал этот чемоданчик...

Недялков В.П.

© 1992 г. АНИЧКОВ И.

ИДИОМАТИКА И СЕМАНТИКА

(ЗАМЕТКИ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ А. МЕЙЕ, 1927)¹

Я предлагаю называть идиоматикой науку о сочетаниях слов. Эта наука отличается от синтаксиса, рассматривающего сочетания форм слов.

Возьмем для примера три выражения — французское, английское и русское: *en liberté*, *at liberty* и *на свободе*, и три сочетания слов: *une montre avance*, *a watch gains* и *часы спешат*. С точки зрения синтаксиса, три первых выражения состоят из предлога и имени; для русского выражения следует отметить, что предлог *на* управляет местным падежом. Три других сочетания включают в себя имя-субъект и глагол-предикат, причем глагол-предикат согласуется по роду и числу с именем-субъектом. С точки зрения синтаксиса, *en liberté* "на свободе" идентично *en fuite* "в бегстве", *en prison* "в тюрьме"; *une montre avance* "часы продвигаются" не отличается от *une montre marche* "часы шагают" или даже от *une montre pense, écoute, pleure* "часы думают, слушают, плачут". Эти последние сочетания, хотя и лишены смысла, не являют собой никаких нарушений синтаксиса².

Совершенно иная точка зрения идиоматики. Для нее выражение *en liberté* состоит именно из предлога *en* и существительного *liberté*; выражение *une montre avance* — из существительного *montre* и глагола *avancer*. Сказать *à liberté*, как по-английски, или *sur liberté*, как по-русски, было бы нарушением идиоматики

⁶ В указанном разделе (с. 23—26) среди 40 упоминаемых авторов не находим имени И.Е. Аничкова.

французского языка. Так же противоречило бы французской идиоматике выражение, на английский манер, *une montre gagne* "часы выигрывают" или, на русский, *une montre se dépêche* "часы спешат".

Каждое слово в каждом языке в определенный момент его развития входит в ограниченное количество более или менее устойчивых³ сочетаний слов, и в каждом языке в определенный момент обращается ограниченное число сочетаний.

Каким бы странным ни показалось это утверждение на первый взгляд, общее число этих застывших или устойчивых сочетаний для каждого языка относительно невелико. В то же время любая фраза, произнесенная или взятая из любого текста, полностью из них состоит.

Такие выражения или сочетания я называю идиотизмами или, точнее, идиома-тизмами⁴.

Старое определение идиоматизмов как выражений, свойственных одному языку и непередаваемых буквально на другие языки, вне всяких сомнений, неудовлетворительно.

Эти выражения в большинстве своем не совпадают буквально с соответствующими выражениями в других языках: часто они отличаются по своей грамматической структуре; иногда они не имеют коррелятивов в других языках и являются непередаваемыми.

Но словом "идиоматизм" следует, по-видимому, обозначать не только выражения, называемые обычно идиомами. Термином идиоматизм можно обозначать и более простые лингвистические факты, такие, как *en liberté, sur mesure* (ср. *to order*, на заказ), *crier après* или *contre* (*to shout at*, кричать на), *promettre absolument* (*to promise faithfully*, твердо обещать), но и более сложные случаи, например, поговорки и пословицы.

Пословица — самая краткая литературная форма; она непосредственно предшествует басне. Но, в то же время, она переходит из сферы литературы в сферу языка и там обращается. Она становится лингвистическим фактом.

Сочетания предлогов и слов или слов и предлогов, устойчивые сочетания слов, поговорки и пословицы суть явления одного порядка и должны обозначаться одним и тем же термином. Может быть, для этого было бы удобно слово "идиоматизм".

Все эти группы слов в каждом языке, и не только те, которые трудно буквально перевести на какой-либо другой язык, могут и должны быть собраны, зарегистрированы и расклассифицированы в соответствии с их грамматической структурой.

Речь идет не о том, чтобы просто перечислить эти выражения в алфавитном порядке начальных или значимых слов, не о классификации по смыслу, что было бы слишком сложно и в настоящий момент для нас бесполезно. Важно в первую очередь сблизить идиоматизмы, близкие или совпадающие по структуре.

Эти выражения образуют категории, которые должны быть последовательно заполнены и изучены, начиная с самых простых и кончая самыми сложными.

Например, для разработки идиоматики французского языка нужно будет выделить в одни и те же категории следующие сочетания⁵:

Arriver à, songer à, parler à... Crier après, aboyer après, soupirer après... Feliciter de, remercier de, user de... Avoir pour (but, maître, u m.д.), passer pour, partir pour... Tirer sur, s'élancer sur, s'assurer sur...

Conforme à, fatal à, nuisible à... Dégouté de, étonné de, vexé de... Poli envers, affable envers, généreux envers... Bon pour, indulgent pour, partial pour...

Une obligation envers, des responsabilités envers... Un attachement pour, une aversion pour... Des détails sur, une conférence sur...

À fond, à outrance, à l'excès... D'emblée, d'ordinaire, de sang froid... En revanche, en sursaut, en suspens... Par coeur, par écrit, par mégarde... Sur pied, sur place, sur mesure...

Un jour crû, une joie débordante, un succès éclatant, une décision précipitée, une

nouvelle renversante... Une colère bleue, une verte réprimande, un grand silence, une lourde sottise, un mince érudit...

L'aiguille d'une montre, la bouche d'un canon... Un jeu de clefs, une pelote de laine, une nappe de lumière...

Une blessure cuite, un propos court, une conversation tombe, un fil casse, une fontaine joue... Un cheval s'emporte, une discussion s'envenime...

Suivre un cours, prendre un rhume, taire un secret, concevoir un projet, agiter une question, toucher de l'argent, faire une propagande, essuyer un refus, embrasser une profession...

Largement suffisant, sensiblement touché, rigoureusement vrai, fâcheusement indiscret.

Vouloir, promettre absolument; refuser net; déclarer carrément; nier formellement...

Répondre à un besoin, subvenir à des frais, absoutir à un accord... Jouer du piano, boiter d'une jambe...

Sourd comme un pot, beau comme le jour, fort comme un Turc, ivre comme un Polonais, pale comme un linge, long comme un jour sans pain...

Crier comme un sourd, boire comme un trou, battre comme plâtre, sauter comme une carpe, mentir comme un arracheur de dents...

Если перейти, скажем, к английскому, то мы должны будем расклассифицировать выражения следующим образом:

To hint at, to laugh at... To ask for, to thank for... To prevent from, to refrain from... To approve of... To depend on, to call on... To deal in, to delight in...

Amazed at, disgusted at... Eager for, fit for... Desirous of, ill of... Angry with, pleased with...

Astonishment at, attempt at... Respect for, zeal for... Confidence in, lessons in... A search into, an inquiry into... Revenge on, mercy on... An allusion to, an objection to...

At home, at school, at hand, at one, at dusk... Beyond measure, beyond belief... By heart, by rail... For fun, for example... In prison, in store... Of course, of late... On purpose, on principle... Within reach, within hearing...

A bad headache, a bad mistake, a sad mistake, a bitter wind, a heavy rain, a lame excuse, a flat denial, a dead loss...

A sheet of paper, the hand of a watch, the eye of a needle, a ball of worsted, a piece of information, the muzzle of a gun...

A conversation flags, a needle snaps, a sound swells, a clock loses or gains... A storm, a pestilence, is raging; a storm, mischief, is brewing... A storm, a revolution, breaks out; an engine breaks down; a party breaks up...

To enter the University, to attend lectures, to deliver a speech, to meet an expense, to overcome a difficulty, to keep or break a promise, to secure a door...

Widely different, heartily glad, highly respectable, utterly ruined, deadly pale...

To approve highly; to disbelieve flatly, to want badly, to work hard, to sleep soundly, to thrash soundly...

To burst into tears, to fall into disuse... To meet with an accident, to bristle with difficulties...

As cheap as dirt, as regular as chockwork, as cold as charity, as loyal as the needle is to the pole...

To sleep like a top, to fit like a glove, to burn like tinder, to drink like a fish, to jump like a parched pea...

Вот некоторые группы, которые можно выделить в русском:

Следить за (чем), сходиться за (чем)... стоять за (что), голосовать за (что)... Поспешить с (чем), справиться с (чем)... Прыгнуть с (чего), начать с (чего)... Защищаться от, дрожать от... Смеяться над, трудиться над... Приближаться к, прибегнуть к... Смотреть на, надеяться на... Ехать в, играть в...

Обреченный на, похожий на... Убежденный в, сведущий в... Знакомый с, сходный с... Способный к, равнодушный к...

Ответ на, намек на... Недостаток в, участие в... Преимущество над,

начальство над... Благодарность за, ответственность за... Любовь к, уважение к... Лекция о, сведения о...

В старину, в сумерки, в ходу... По желанию, по почте, по ошибке... Под рукой, под ключом... Под вечер, под диктовку... На досуге, на заре, на станции... При случае, при свете... Из лени, из честолюбия... За работой, за столом... С листа, с горя... От души, от века...

Круглый дурак, прямой мошенник, зеленая скука, закадычный друг, трескучий мороз, жидкая борода, окладистая борода, пустой человек, глухое место, крутой нрав...

Стрелка часов, ушко иглы, связка ключей, клубок шерсти, горлышко бутылки, рукав реки, ножка стола, дуло ружья...

Дождь идет, снег падает, мороз крепнет, лошадь несет, восстание вспыхивает, слух носится...

Сдержат слово, отдать приказание, подать пример, усвоить язык, посещать лекции, исполнять обещание, нанести обиду...

Твердо обещать, крепко призадуматься, плотно наестся, отказывать наотрез, работать усердно, спать крепко...

Крепко любящий, туго набитый, кровно обиженный, непростительно глупый, непомерно гордый, несметно богатый...

Удостоиться чести, держаться старины... Залиться слезами, разразиться смехом, упасть духом...

Упасть в обморок, прийти в недоумение... Поступить на службу, накрыть на стол... Сойти с ума, покатываться со смеха...

Глух, как стена; глуп, как пробка, как сивый мерин; пьян, как сапожник; бледный, как полотно; гладкий, как ладонь...

Спать, как убитый; бояться, как огня; метаться, как угорелый; любить, как собака палку (ирон.); погибнуть, пропасть, как швед под Полтавой...

Встает вопрос: если предлоги являются вспомогательными словами и могут рассматриваться как грамматические формы, не относятся ли сочетания, состоящие из слова и предлога, к сфере синтаксиса?

Однако предлоги не напрасно называют словами. На самом деле они ведут себя в некоторых отношениях как слова. Во флективных языках они управляют падежами, как и другие слова. Значит, они не просто заменили собой склонение. Хотя русский и сохранил почти все индоевропейские именные окончания, предлоги в русском языке играют не меньшую роль, чем в английском. В этих двух языках — как, возможно, и во всех индоевропейских языках — предлоги выполняют особую идиоматическую функцию: они образуют определенные категории идиоматизмов и их подкатегории.

Полное описание употребления предлога должно было бы состоять из перечисления и анализа всех выражений — наречных, адъективных, предложных и союзных, — начинающихся этим предлогом, всех слов — глаголов, имен, прилагательных, наречий, восклицаний, — и всех глагольных, именных и т.д. выражений, которые строятся с этим предлогом; наконец, групп слов, в которых этот предлог служит для связи между их компонентами. Английские и французские выражения: *to shake one's finger at*, *to cast an eye at*, *to have a hand at*, ... *Avoir la haute main sur*, *tomber a bras raccourcis sur*, *avoir de l'ascendant sur*... являются глагольными оборотами, которые строятся с предлогами *at* и *sur*.

Группы слов, где предлог служит для связи между членами, и глагольные обороты с предлогом, как и группы, состоящие из одного слова и предлога, образуют категории, которые подразделяются далее по использованному в них предлогу.

Следовательно, мы можем рассматривать слова с последующим предлогом как неполные или рудиментарные группы слов и включить их в идиоматику, изучающую группировки слов.

Такая процедура представляется целесообразной и с практической точки зрения.

Само собой разумеется, что в каждой категории идиоматизмов должны быть помечены архаизмы, неологизмы, разговорные выражения или выражения, имеющие какой-либо другой стилистический оттенок.

Сочетания, которые имеют тенденцию сокращаться до отдельных слов, но которые продолжают употребляться в языке и как сочетания (например, *le cabinet des ministres — le cabinet, un bateau à vapeur — un vapeur*), должны быть зарегистрированы в соответствующих категориях, с указанием нового употребления.

Кроме категорий, имеющих классические формы, существуют различные усложнения этих же форм и дефективные формы. Идиоматика любого языка по необходимости представляет собой очень сложную картину.

Поговорки и пословицы каждого языка также должны быть расклассифицированы в соответствии с их структурой, хотя сложные случаи будет трудно уложить в упрощенную классификацию.

Вот некоторые примеры английских поговорок и пословиц:

A happy medium; the giddy throng; midsummer madness...

A leap in the dark; a drop in the bucket; ... A word of trouble; the balance of power...

Opinions differ; extremes meet; the cap fits...

To smell a rat; to bury the hatchet; to plough the sands... To shed crocodile tears; to gild refined gold; to ride the high horse...

To die in harness; to roll in riches... To rest on one's ears... To reckon without one's host... To dance on a tight rope... To die in the last ditch... To fall between two stools...

To buy a pig in a poke; to build castles in the air... To carry coals to Newcastle; to add fuel to the fire...

Silence gives consent; familiarity breeds contempt; pride apes humility... Ill weeds grow apace; new brooms sweep clean; still waters run deep... Facts are stubborn things; habit is a second nature; honesty is the best policy... A burnt child dreads the fire; too many cooks spoil the sauce; a rolling stone gathers no moss... A good cat deserves a good rat; an old ox makes a straight furrow; soft words win hard hearts...

Brevity is the soul of wit; necessity is the mother of invention; procrastination is the thief of time...

Example is better than precept; truth is stranger than fiction; blood is thicker than water...

Live and learn; bear and forbear... Do or die; sink or swim.

Don't blow your own trumpet; never refuse a good offer.

Never judge from appearance; puff not against the wind...

Look before you leap; don't call out till you are hurt...

A fool laughs when others laugh; friends are plenty when the purse is full...

While there's life, there's hope... Where there's a will, there's a way...

It's the early bird that catches the best worm; it's a poor mouse that has only one hole.

Регистрация и классификация идиоматизмов языка в какой-то определенный момент его существования представляет собой то, что я называю описательной идиоматикой этого языка.

Только после того, как описательная идиоматика каждого языка будет завершена, можно перейти к сравнительной идиоматике двух языков или группы языков и к исторической идиоматике каждого языка и группы языков.

Среди лингвистических дисциплин идиоматика следует за фонетикой, морфологией и синтаксисом и предшествует семантике.

По моему мнению, при перечислении лингвистических наук лексику и этимологию не следует относить к различным наукам.

Как Вы показали (Linguistique historique et linguistique générale, I, Paris, 1921, p. 27 и сл.), этимология — не что иное, как историческая фонетика, историческая морфология и историческая семантика в их применении к отдельным словам. Но ничто не мешает говорить об этимологии идиоматизмов, сведя ее таким образом к особым случаям исторической идиоматики. Следовательно, этимология — это один из аспектов исторической лингвистики.

Что касается лексики, то Вы признаете вместе с Г. Шухардтом, что различие между этой сферой и морфологией не абсолютно (ibid., p. 107).

Морфология изучает формы слов и слова с точки зрения их форм.

Верно, что морфология, понимаемая как система форм, мало подвержена заимствованию чужеродных элементов, тогда как лексика легко принимает их. Но так происходит всегда при любом материальном обмене: формы, свойственные новой сфере, налагаются на заимствованные элементы.

Полная система морфологии флективного языка должна включать, в результате изучения каждого типа именной или глагольной флексии, список всех слов, относящихся в этому типу, а также слов, называемых аномальными, дающих более или менее индивидуальные вариации основных типов, а для неизменяемых слов — списки всех этих слов, сгруппированных по их форме.

Таким образом, описательная морфология — вокабуляр должна представлять собой не перечисления слов языка по алфавиту — что представляло бы собой простой словарь, — а формальную классификацию всех этих слов⁶.

Синтаксис, после того как мы отделяем от него идиоматику, приобретает большую однородность. Точное определение синтаксиса как науки о комбинации форм становится наконец возможным или оправданным.

Но в первую очередь идиоматика делает возможной семантику. Как вы постоянно подчеркиваете, это наука скорее искомая, чем обретенная, скорее предвидимая, чем осуществленная.

Правда, для идиоматики, как и для фонетики, значения представляют лишь побочный интерес. Она, таким образом, не является ветвью семантики. Но благодаря тому, что она учитывает устойчивые сочетания, она служит семантике, которая должна выводить различные значения слова из его окружения, из разнообразных оборотов, в которые оно входит.

Впрочем, семантика должна также рассматривать идиоматизмы, каждый из которых при этом исследуется в его целостности. Таким образом, она может теперь считаться наукой, изучающей значения слов и идиоматизмов, или сочетаний слов, образующих, наряду со словами, особые семантические единицы.

Полная система дескриптивной семантики должна предлагать классификацию всех семантических единиц, как слов, так и идиоматизмов, в соответствии с их смыслом.

Тщетно было бы классифицировать по смыслу одни лишь слова. Если мы хотим классифицировать семантические единицы, то, очевидно, надо будет сближать, скажем, глагол *to flee* с идиоматизмами *to turn tail*, *to take to flight*, *to take to one's heels*, *to show a clean or a light pair of heels*; глаголы *s'enfuir*, *détaler* с идиоматизмами *tourner les talons*, *prendre ses jambes à son cou* и т.д.; прилагательное *uncommon* с адъективным оборотом *out of the way*.

Некоторые устойчивые сочетания слов или идиоматизмы выполняют роль какой-либо части речи (именная, глагольная, адъективная, наречная, предложная, союзная группа) и являются членами предложения; другие представляют собой фразы или последовательности фраз.

Опирируя словами и сочетаниями слов, необходимо различать три момента: 1) восприятие объекта — феномена или идеи, — который может быть обозначен тем или иным словом в том или ином языке; 2) усвоение слова или какого-либо лингвистического факта ребенком, иностранцем, неграмотным

или человеком, которому оно было неизвестно; 3) научный анализ слова или лингвистического факта.

Только третий случай относится собственно к лингвистике, хотя она предполагает и оба других.

Если речь идет, например, о каком-то редком тропическом растении, которое нам неизвестно и обозначено в нашем родном языке неизвестным нам словом, нужно прежде всего познакомиться с самим феноменом и лишь затем мы выучим слово, которым это растение обозначено. И только на третьем этапе мы можем переходить к научному изучению слова.

Поэтому, изучая иностранный язык, человек еще не занимается лингвистикой.

Для очень древних мертвых языков расшифровка текстов и выяснение языковых фактов, особенно значений, представляет собой очень серьезную и очень трудную научную работу, которая — как бы парадоксально это ни казалось — не относится к чистой лингвистике.

Не надо требовать от описательной семантики ни определений, ни общих сведений. Эта наука — не энциклопедия. Она не учит также значениям и их оттенкам⁷. Она предполагает, что они уже известны, и изучает их. Правда, она, вероятно, сможет представить тонкие методические указания для обучения языкам и перевода. Но как только к ней предъявляются такие требования, мы переходим из области чистой в область прикладной лингвистики.

В системе описательной семантики, т.е. в общей классификации семантических единиц, значения должны выводиться из 1) класса каждой единицы, 2) ее места в классе или разделе, 3) окружения, — при этом приблизительные синонимы сближаются, а антонимы противопоставляются; — и, наконец, 4) ее грамматической роли, которая также должна быть обозначена.

Так, в категории звуков и в сочетании *une brebis bèle* значение слова *bêler* несомненно. То же относится к каждому из терминов в серии *printemps, été, automne, hiver* в категории "времени года", или в серии *midshipman, sub-lieutenant, lieutenant* и т.д. в серии "офицеры английского флота".

Это очень простые случаи, и порядок следования в сериях не всегда жесткий и не всегда столь же легко устанавливается. Но и с более сложными случаями работа по существу та же.

Многочисленные слова и идиоматизмы, которые, отдельно взятые, являются центрами семантического изучения, предстанут в системе точками пересечения двух или нескольких — но редко больше, чем трех, — серий⁸, и должны входить в такое же количество рубрик, сколько значений они имеют⁹.

Таким образом, семантика предполагает идиоматику. Она может быть разработана только тогда, когда будет описана идиоматика.

Невозможно принимать за основу семантики ни логику, как это хотел сделать Дармстетер, ни психологию, как это предлагал Вундт. Базой для семантики не может служить и социология, хотя между этими двумя науками и существует родство, изучаемое Вами.

Только наблюдения над чисто лингвистическими фактами могут создать основу для семантики.

Идиоматика, или изучение сочетаний слов, могла бы стать полной и закрытой системой таких наблюдений.

Подобно тому, как описательная идиоматика должна предшествовать сравнительной идиоматике и исторической идиоматике, описательная семантика должна предшествовать сравнительной семантике и исторической семантике.

Историческая семантика сможет также черпать полезные сведения из исторической идиоматики.

Различные понимания одного отдельно взятого слова проистекают из сокращений сочетаний слов. Иногда это существительное, включившее в себя значение своего определения, иногда это прилагательное, замещающее существительное,

с которым оно было связано, иногда это глагол, который из транзитивного стал интранзитивным, имплицитно уже дополнение.

Появление исторической семантики можно уже сейчас предвидеть. Но чтобы достигнуть этих конечных вершин лингвистики, нужно будет подниматься от одной области к другой, проходя последовательно через сферы описательной, сравнительной и исторической идиоматики и, наконец, описательной и сравнительной семантики.

Можно наметить следующую таблицу лингвистических наук:

Лингвистика	описательная	сравнительная	историческая	общая
Фонетика	"	"	"	"
Морфология	"	"	"	"
Синтаксис	"	"	"	"
Идиоматика	"	"	"	"
Семантика	"	"	"	"

В этой серии лингвистических наук должен быть жесткий порядок. Существует своего рода иерархия этих наук, причем каждая использует данные предшествующих.

Конечно, такие науки, как фонетика и морфология, тоже заимствуют некоторые данные у наук высшего порядка, прежде всего у семантики. Имеет место "обмен услугами", но не без определенной доли подчинения.

Общая лингвистика опирается на описательную лингвистику, сравнительную лингвистику и историческую лингвистику. Но именно она устанавливает главные разделительные линии и облегчает описательной лингвистике задачу включения в эти разделы данных соответствующего уровня.

Таким образом, мы наблюдаем постоянный круговорот, подобный порождению плода растением и растения — плодом. Было бы бессмысленным занятием задаваться вопросом, плод ли происходит из корня или корень — из плода¹⁰.

Эти отношения могут быть проиллюстрированы схемой, на которой спираль разворачивается и продолжается двойным движением. Эта схема воспроизводит таблицу лингвистических наук, преобразуя ее таким образом, чтобы показать эволюцию этих наук¹¹ (см. с. 138).

Самые общие биологические законы должны быть применены к языкам, которые, не являясь организмами, все же представляют собой органические системы со своими процессами развития и вырождения, со своей жизнью и смертью.

Среди этих идей одна из самых многообещающих — это идея сравнения онтогенеза и филогенеза.

Каждый язык имеет свой онтогенез. Но общая лингвистика должна признать и изучать филогенез человеческого языка¹².

Например, французский язык не является простым продолжением латинского, а латинский — индоевропейского. Латинский язык пережил свой подъем, апогей и упадок; он исчез и уступил место другим языкам, которые сами проходят ту же эволюцию.

Изучение мертвого языка должно являть собой в первую очередь, как мне кажется, описание этого языка в эпоху его высшей точки, описание, которое, по вашей же формулировке, "не должно принимать во внимание историю" (*Linguistique historique et linguistique générale*, I, p. 9).

Это я и подразумеваю, когда ставлю описательную лингвистику перед сравнительной лингвистикой и исторической лингвистикой.

Сравнение в лингвистике означает сопоставление двух или нескольких заданных состояний.

Вы говорите, что "историческая лингвистика может быть только сопоставлением уже описанных последовательных состояний" (*ibid.*, p. 45).

Надо, таким образом, прежде всего определить термины, подлежащие сопоставлению.

Порядок, указанный здесь, мог бы дать возможность устранить дурной историзм, который до сих пор отягощает лингвистические исследования¹³.

Другое его преимущество — это, быть может, указание на задачу настоящего момента. Подлинный прогресс лингвистики не сможет осуществиться прежде, чем будет выполнена эта работа.

Если будет дан метод и намечены основные направления, будет нетрудно в каждом языке собрать факты и найти для каждого факта его собственное место¹⁴.

До какой степени эти идеи справедливы?

Они были предугаданы, как мне кажется, если и не высказаны, Вами, а отчасти — уже Мишелем Бреалем, великим ученым, преемником которого на кафедре Вы являетесь.

Я мог бы привести многочисленные цитаты, но достаточно напомнить такие строки:

"Язык состоит не только из слов; он состоит из сочетаний слов и фраз" (M. Bréal, *Sémantique*, P., 1897, p. 322).

"Не следует рассматривать отдельно взятое слово: это — лишь пустая абстракция: слово проявляется только во фразе" (*Linguistique historique et linguistique générale*, I, p. 176).

"...Метод, который следует применять при изучении семантики, достаточно ясен. Рассматривая слово, следует прежде всего выяснить форму слова и степень его обособленности в языке; изолированное слово ведет себя не так, как слово, которое входит в сочетание..." (*ibid.*, p. 267).

Перевел с французского *Выдрин В. Ф.*

Письмо Антуану Мейе

Москва, 20 июля 1927

Господин профессор и дорогой метр!

Хотя я не имею чести знать Вас лично, я позволю себе направить Вам, при любезном посредничестве м. Патуйе, который сейчас находится в Москве, это исследование и представить на Ваше рассмотрение некоторые идеи в области лингвистики, выработанные в ходе моих исследований и преподавания в Ленинграде (Университет, Институт истории искусства, английский язык).

Надеясь, что мои исследования заслужат Вашего благосклонного внимания, я прошу Вас, дорогой метр, принять выражение чувства моего уважения и преданности.

И. Аничков

Ответ г. Антуана Мейе

16 января 1928

Милостивый государь!

М. Патуйе передал мне Вашу рукопись позавчера. Пока что я успел прочитать ее лишь наскоро. В ожидании возможности сообщить Вам свое мнение более детально я спешу Вас уведомить, что читал Вашу работу с живым интересом.

Весьма сердечно преданный Вам

А. Мейе

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Настоящий перевод с французского языка осуществлен с подлинника, хранящегося у меня. Считаю необходимым дать к основным положениям статьи И.Е. Аничкова комментарии Ю.Д. Апресяна, заимствованные из его статьи "О работах И.Е. Аничкова по идиоматике", опубликованной в "Вопросах языкознания" № 6 за 1989 г.

² Приводим интерпретацию этого места Ю.Д. Апресяном: «В этом рассуждении нетрудно обнаружить основную идею того, что тридцать лет спустя Н. Хомский назвал "автономным синтаксисом" ... и что составило эпоху в развитии теоретической мысли в этой области...

Предложение *Бесцветные зеленые идеи яростно спят* бессмысленно, однако грамматически безупречно...

Любопытно еще одно совпадение — характер примеров, послуживших И.Е. Аничкову и Н. Хомскому основанием для определения предмета синтаксиса. С скромными примерами И.Е. Аничкова — *Часы думают, слушают, плачут* — по существу вполне сопоставимы с только что процитированным знаменитым, породившим огромную литературу примером Н. Хомского.

Известно, что установки автономного синтаксиса в результате длительной и бурной дискуссии были признаны большинством лингвистов неосновательными. Синтаксис оказался чувствительным к лексико-семантическим классам слов... Однако из этой дискуссии и теоретический синтаксис, и общая лингвистическая теория вышли окрепшими и обогащенными новым значением. Нам остается только гадать, как пошло бы развитие лингвистики, случись подобная дискуссия на 30 лет раньше» (с. 115).

³ Слово "устойчивый" не следует понимать как противопоставленное так называемым "неустойчивым", или "свободным". Свободных словосочетаний И.Е. Аничков не признавал. Привожу соответствующее высказывание из его более поздней неопубликованной работы: "Обычному, не высказанному никем, но всеми негласно, как само собою разумеющийся, понимаемому взгляду о необъятности всего множества возможных на каждом языке сочетаний слов я противопоставляю тезис об устойчивости и уловимости сочетаний слов. Ни одно слово не может вступать в сочетание с любым другим словом; каждое слово сочетается с ограниченным числом других слов, и в каждом случае границы могут и должны быть нащупаны и установлены".

Ср. у Ю.Д. Апресяна (с. 111): "Вывод о том, что все словосочетания в большей или меньшей мере несвободны и что, следовательно, все лексические значения в большей или меньшей мере связаны, т.е. обусловлены семантическим, лексическим, синтаксическим или иным контекстом, был сделан независимо от И.Е. Аничкова, но на 40 лет позже его" (см.: *Апресян Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола*. М., 1967. С. 25).

⁴ Позднее в этом значении И.Е. Аничков стал употреблять термин "идиома".

⁵ Характеризуя систематизацию примеров, приводимых И.Е. Аничковым, Ю.Д. Апресян пишет: "Нетрудно заметить, что лингвистическая интуиция вела И.Е. Аничкова по тому пути, в конце которого 40 лет спустя было сделано одно из самых замечательных теоретических и лексикографических открытий последнего времени — открытие лексических функций (см.: *Жолковский А.К., Мельчук И.А. О семантическом синтезе // Проблемы кибернетики*. 1967. Вып. 19). В частности, в цитированном выше материале И.Е. Аничкова представлены лексические функции Magn и Anti Magn , Oper_1 и Real_1 , Func_0 , Inscr Func_0 и Fin Func_0 . Сама однородность классов привлекаемых к рассмотрению примеров показывает, как близок был И.Е. Аничков к открытию лексических функций" (с. 114).

⁶ Можно считать, что подобный результат был достигнут лишь через 50 лет. См.: *Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение*. М., 1977.

⁷ Отказ от рассмотрения значений в описательной семантике несомненно является недостатком теории И.Е. Аничкова. Правда, утверждение И.Е. Аничкова, что семантика "предполагает, что они (значения. — Н.В.) уже известны, и изучает их", допускает мнение, что И.Е. Аничков относил определение значений к ведомству прикладной семантики, т.е. к лексикографии.

⁸ Ср. критику А.Е. Кибриком искусственного, по его мнению, размножения значений в современной таксономической семантике и его постулат о единственности значения. См.: *Кибрик А.Е. Лингвистические постулаты // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та*. 1983. Вып. 621. С. 36.

⁹ Следует подчеркнуть, что объектом классификации, по И.Е. Аничкову, является не слово или словосочетание в целом, а каждое их значение в отдельности. Ю.Д. Апресян так оценивает этот принцип: "Принцип выбора отдельного значения, а не всей вокабулы, в качестве объекта классификации настолько естествен, что кажется почти тривиальным. Чтобы оценить его нетривиальность и смелость, необходимо иметь в виду, что даже в словарях синонимов, выходивших через 30 и 40 лет после работ И.Е. Аничкова, объектом описания оставались целые слова и притом только слова. Это справедливо в отношении таких авторитетных синонимических словарей, как словари Бенака, Дудена и Вебстера" (с. 116).

¹⁰ Привожу основной комментарий Ю.Д. Апресяна к этому месту: «И.Е. Аничков мыслил язык как многоуровневую иерархическую структуру, хотя самого термина "уровень" или кокого-либо аналога этого термина он не употреблял... Уровневая идеология была явно сформулирована (правда, на 15—20 лет позже) американскими дистрибутивистами (Б. Блок, Ю. Найда, Дж. Трейджер, З. Харрис, Ч. Хоккет и др.)... Наде будет признать следующие заслуги И.Е. Аничкова в учении об уровневой иерархии языка.

1) В отличие от традиции и от американских дистрибутивистов И.Е. Аничков включает в число уровней не только придуманную им идиоматику, но и семантику, о которой в то время никто не думал как о серьезной лингвистической дисциплине.

2) ... Один из важнейших методологических принципов дистрибутивизма: при описании единиц данного уровня нельзя пользоваться единицами последующего уровня.

Гипноз этой заведомо ложной посылки и авторитет вытекающего из нее принципа были столь велики, что понадобилась растянувшаяся на полтора десятилетия дискуссия, чтобы отказаться от них и допустить возможность "челночного" описания разных уровней. Тем удивительнее тонкость и "мягкость" формулировки И.Е. Аничкова ... Таким образом, концепция неесточной

лингвистической иерархии И.Е. Аничкова предвосхищала самые плодотворные идеи дискуссии о взаимоотношениях между уровнями за 20 лет до ее начала. В некоторых существенных деталях она даже шла значительно дальше этой дискуссии...» (с. 106—107).

¹¹ Характеризуя эту схему, Ю.Д. Апресян пишет: "Эта схема, являющая собой удивительный сплав научной мысли и поэтического воображения, поражает своей лаконичностью, емкостью и глубиной. Это — гигантская графическая метафора, не только обобщающая реальную историю лингвистики, но и открывающая неисчерпаемые возможности новых интерпретаций" (с. 109).

¹² Интерес к аналогиям в областях лингвистики и биологии, правда, в иных аспектах, вновь оживился. См. например: *Nerlich B.* The evolution of the concept of "linguistics evolution" in the 19th and 20th century // *Lingua*. 1989. № 77; *Dyen I.* Genetic classification in linguistics and biology // *Festschrift für Henry Hoenigswald* / Ed. by Cardona G. and Zide N.H. Tübingen, 1987.

¹³ Под "дурным историзмом" И.Е. Аничков понимал "неизжитое еще в лингвистике, несмотря на критику де Соссюра" стремление относить «рассмотрение языка в его современном состоянии или в определенный исторический момент ... к "школьной" или элементарной грамматике и только сравнение языков и изучение прошлого их или изменений языковых явлений (диахроническое рассмотрение) признающего научной лингвистикой» (из неопубликованной рукописи 1937 г.).

¹⁴ Эти два абзаца намечают широкий план работ, которые под силу лишь большому коллективу исследователей. И.Е. Аничков предполагает осуществить планомерное описание всех языковых объектов с использованием всех тех методов, которые были ему известны в то время. В какой-то мере здесь можно усмотреть прообраз современного интегрального описания языка. См., например: *Апресян Ю.Д.* Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели "смысл ↔ текст" [= *Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband I*] Wien, 1980. S. 3.